

Война и мир Сергея Прокофьева

Моск. новости - 1991 - 28 апр (и 17) - с. 14

В 1946 году в Ленинграде молодой режиссер Борис Покровский приступил к постановке новой оперы Сергея Прокофьева «Война и мир». Успех, выпавший на долю спектакля, был не меньшим, чем у «Евгения Онегина» или «Ликовой дамы». С тех пор Покровский поставил все оперы Прокофьева, к сожалению, не всегда в нашей стране. По случаю столетней годовщины великого композитора Борис ПОКРОВСКИЙ вспоминает:

— Когда Прокофьев впервые играл мне «Войну и мир», я не сразу понял и принял эту оперу. Но рядом сидел замечательный дирижер Самуил Самосуд, и у него слезы стояли в глазах. Видимо, я был еще недостаточно этой музыки, надо было расти до нее, и я рос, как мог.

По действию мне не хватало нескольких сцен, и я попросил композитора их добавить. Прокофьев относился ко мне скептически, посмеивался над моей настойчивостью, тем не менее все, что я предлагал, он выполнял. Но на каком уровне выполнил! Мои мысли воплотил гений.

Прокофьев был человеком несентиментальным, прямым, порой резким. Вместе с тем — исключительно внимательным к людям, ис-

полнявшим его произведения. На репетициях он никогда не вмешивался в режиссуру, ничего не менял и не требовал и, как подобает большому художнику, вел себя корректно, мудро и благородно.

Признание пришло к нему рано. Еще при жизни он считался классиком — и в своей стране, и во всем мире. Один из величайших музыкантов XX века, создавший свой мир, свой стиль, свой способ существования в звуках, композитор знал цену себе и своему искусству. Но гений потому и есть гений, что он опережает свое время и не всегда встречает понимание — не только у публики, но и у исполнителей. Людское невежество стояло на пути Моцарта, и Вагнера, и Верди, и Чайковского, и Мусоргского. Оно рождало басни, что это плохая музыка, ее трудно петь и т. п. Конфуз, который случился в нашей стране с Прокофьевым, Шостаковичем, Мясковским, Шебалиным, чье творчество было официально объявлено чуждым народу, объясняется не только невежеством, но и в большой степени влиянием на неграмотных идеологов тех среднего ранга певцов, что делали свою карьеру на произведениях прошлого.

Но Прокофьев обладал, на мой взгляд, примечательной чертой, ко-

торая помогла ему сохраниться как великому композитору и не опуститься до музыки, угодной управдома. Он умел выстроить непроницаемую стену между собой и всем тем, что почитал за мерзость. Я не склонен верить, что Сергей Сергеевич уж очень переживал по поводу партийных постановлений и других гадостей, что выливались на его голову. Он знал, что это дело рук тех, кто не давал себе труда разобраться в его искусстве. Да у них и потребности такой не было. Великолепный игрок в шахматы, Прокофьев и в жизни умел так расставлять фигуры, чтобы уберечь себя как художника и личность. К тому же его спасало огромное чувство юмора.

Я неоднократно наблюдал, как Прокофьев вел себя во время «проработок». Он смотрел в окно, разглядывал потолок или свои теплые красивые бурки, в которых любил ходить на даче по снегу. Жрец искусства, он и в эти часы сочинял музыку. Он был неприступен и потому прекрасен. Я вообще считаю, что художник в состоянии оградить себя от мерзостей жизни. Разве может от людской пошлости страдать гений, которого посещают божественные идеи?

Сейчас уже не надо, как в 50-е годы, «пробивать» оперы Прокофье-

ва, не надо доказывать, что это гордость нашей музыкальной культуры. Вряд ли кто из вокалистов осмелится заявить, что он не справится с Прокофьевым, — уже как-то стыдно. Но, увы, его оперы идут по-прежнему редко. Большой театр их не ставит, а на главный театр страны равняются все другие. Вот и получается, что публика не понимает Прокофьева, потому что она его просто не слышит. А не слышит она его потому, что театры боятся, что публика на Прокофьева не пойдет. И это происходит не только с Прокофьевым, но и с Шостаковичем, и со Стравинским. Наши певцы отстали от развития музыкальной культуры минимум на сто лет. Поэтому у нас так любят произведения XIX века. А на дворе кончается двадцатый!

Ведь Прокофьев не так просто родился, чтобы неизвестно откуда извлечь свои особые музыкальные интонации. Он создан временем, XX веком, его культурой, его интеллигенцией. Эта интеллигенция достойна любви, уважения и веры, но, к сожалению, сейчас она часто забывает о прежних идеалах и заражена политиканством.

Само искусство нередко становится объектом спекуляций. Если Прокофьев — значит, сверхмодер-

нистские визуальные образы, нарочитое обострение (и в результате — оглушение) сюжета, что присуще и многим зарубежным постановкам. Прокофьев предпочитал режиссуру четкую, выявляющую суть произведения, из нее не должны торчать ослиные уши постановщика. Унизительно для памяти великого композитора, когда, пользуясь его именем, торговцы от искусства рассчитывают проскочить в передовые художники.

Это свидетельствует о страшно низкой культуре, ведь сегодня даже образованные люди не стесняются говорить, что уровень нравственности зависит от наличия товаров в магазинах. Это полное непонимание природы человеческого духа, смысла жизни. Культура не следствие, с нее нужно начинать. Если нет культуры, не будет и хлеба.

Надеюсь только, что пройдет эта суматоха политиканства и искусство снова поднимет на пьедестал музыкальные и сценические образы нашего гениального соотечественника, самого исполняемого композитора в мире.

Записала Елена ВЕСЕЛАЯ.

Опера в постановка Б. Покровского

28.04.91

Прокофьев с.